

Юай Чоксахват

**Письма без
ответа.**

Юай Чоксахват

Письма без ответа.

<https://litres.ru/73979959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык жить легко: умные разговоры, чужие чувства, красивые жесты и вечная усталость от всего настоящего. Она пишет ему честно — слишком честно для мира, где признания принято прятать за иронией.

Проходят годы, меняются города, привычки и круг общения. То, что когда-то можно было принять одной фразой, возвращается поздно — уже как боль, которую нельзя переслать, удалить или объяснить.

«Письма без ответа» — современный роман о гордости, упущенной любви и моменте, после которого даже самые точные слова приходят слишком поздно.

Содержание

Письма без ответа	4
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Юай Чоксахват Письма без ответа.

Письма без ответа

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

Глава первая

И жить торопится, и чувствовать спешит.

I

"Мой дядя – нудный старый хрен,

Когда с ковидом слег в момент,

Себя вниманьем окружил,

И лучше б способ не нажил.

Его пример – другим наука;

Но, боже мой, какая мука

Сидеть с ним, словно на цепи,

И днем и ночью не уйти!

Какое подлое коварство –

Его, полуживого, развлекать,

Таблетки вовремя подавать,

Изображать участие царство,

Вздыхать и думать про себя:

Когда ж ты, старый, откочуешь в мир иной?"

II

Так думал молодой мажор,

Летя в такси по кочкам трассы,

По воле случая – сеньор,

Наследник всей семейной массы.

Друзья, что в танке, что в окопе!

С героем этой вот истории

Позвольте познакомить вас

Без лишних слов, здесь и сейчас:

Артём, мой хороший друг,

Родился где-то под Москвой,

Где, может, жили вы порой,

Или сверкали, мой читатель-друг;

Там я когда-то тоже был,

Но смог уехать – хватит сил.

III

Отец его, служивший в банке,

В кредитах утонул подчас,

Давал кредиты всем подряд,

И разорился в тот же час.

Но Женьку рок оберегал:

Сперва репетитор наблюдал,
Потом – коуч, чтоб он не скис;
Ребенок был активен, жив.
Репетитор был слегка убогий,
Чтоб не замучить вдруг дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
За шалости слегка журил
И в "Москва-Сити" проводил.
IV
Когда же юности бунтарской
Пришла Артёму пора,
Пора тусовок и угара,
Коуча выгнали со двора.

Вот мой Артём на свободе;

Стрижка – будто из Европы;

Как денди лондонский одет –

И вот он в свет выходит в свет.

Он по-английски без запинки

Мог изъясняться и писал;

Легко на вечеринках танцевал

И кланялся непринужденно;

Чего ж вам больше? Свет решил,

Что он умен и очень мил.

У

Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь,

Так, с нашим уровнем, ей-богу,

Несложно как-нибудь блеснуть.

Артём был, по мнению многих

(Критиков строгих и убогих),

Ученый малый, но зануда.

Имел он редкий, ценный дар –

Без напряженья в разговоре

Затронуть все слегка, чуть-чуть,

С видом знатока взглянуть,

Молчать в затянувшемся споре

И вызвать смех у дам вокруг

Огнем неожиданных, колких фраз.

VI

Латынь – не в тренде в наше время:

Но, если правду вам сказать,

Он знал латынь, чтоб без сомненья

Надписи на авто читать,

И мог процитировать Сенеку,

В конце поста поставить "Veni, vidi, vici",

Да помнил, хоть и не вполне,

Из "Википедии" что-то там.

Он рыться не имел желанья

В истории, в пыли веков,

В архивах древних городов;

Но дней минувших телеграммы,

От Киевской Руси до наших дней,

Хранил он в памяти своей.

VII

Не ощущая острой страсти

К культуре, чтоб себя отдать,
Не мог он даже в малой части
От "Байрактара" "Ланцет" отличать.
Ругал он старые блокбастеры;
Зато смотрел он только стримы
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство процветает,
И чем живет, и почему
Не нужно санкций никому,
Когда свой "Шахед" выпускают.
Отец понять его не мог
И акции сдавал в залог.

Всего, что знал еще Артём,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него с пеленок
И труд, и мука, и утешенье,
Что занимало целый день
Его тоскующую мигрень, –
Была наука отношений,
Которую воспел весь ТикТок,
За что попал он под обстрел,
И кончил век свой, одинокий,
В какой-то дальней стороне,

Вдали от родины своей.

Х

Как рано он научился притворяться,

Скрывать надежду, ревновать украдкой,

Разочаровывать, внушать доверие,

Казаться мрачным, страдать беззвучно,

Быть гордым и покорным вмиг,

Внимательным или равнодушным – как ловко!

Как томно молчал, когда нужно,

Как пламенно говорил, когда хотел,

В сообщениях как небрежен, словно случайно!

Дыша одним, любя лишь что-то одно,

Как мастерски умел забыть себя совсем!

Как взгляд его был быстр и полон нежности,

Стыдлив и дерзок, а порой –

Блестел послушной, выдавленной слезой!

XI

Как он умел казаться новым каждый раз,

Шуткой невинность удивлять легко,

Пугать отчаянием, будто готов на всё,

Приятной лестью развлекать невинно,

Ловить момент душевного смятения,

Юных лет предубеждения

Умом и страстью побеждать умело,

Невольной ласки ожидать смиренно,

Молить и требовать признания немедленно,

Подслушать сердца первый робкий стук,

Преследовать любовь настойчиво и вдруг

Добиться тайного свидания украдкой...

И после ей наедине

Давать уроки в тишине ночной!

XII

Как рано он умел тревожить

Сердца столичных кокеток!

Когда ж хотелось уничтожить

Ему соперников своих,

Как язвительно он злословил за спиной!

Какие сети им готовил, не моргнув и глазом!

Но вы, счастливые мужья,

С ним оставались вы друзья всегда:

Его привечал супруг лукавый,

Что в Telegram-каналах только и сидит,

И недоверчивый старик, седой,

И рогоносец величавый,

Всегда довольный лишь собой,

Своим обедом и женой.

XIII. XIV

.....

.....

.....

XV

Бывало, он еще в постели нежится:

Ему сообщения несут без усталы.

Что там? Приглашения? Неужели,

Три места на вечер зовут наперебой:

Там будет вечеринка, там – детский праздник с аниматорами.

Куда ж помчится мой повеса-праздник?

С кого начнет он этот вечер? Всё равно ему:

Везде успеть для него – плёвое дело.

Покамест в утреннем неглиже,

Накинув куртку нараспашку,

Артём Гордеев едет в центр, на проспект,

И там гуляет на просторе, не спеша,

Пока недремлющий смартфон

Не прозвонит ему о приближении обеда.

XVI

Уж темно: в такси он садится поскорей.

"Давай быстрее!" – кричит он водителю.

Морозной пылью серебрится

Его воротник от дорогой куртки.

К модному ресторану помчался: он уверен,

Что там уж ждет его приятель Каверин.

Вошел: и музыка бьет в потолок,

Вина искристого льется поток;

Пред ним стейк прожарки rare, сочный,

И трюфели, роскошь нынешних времен,

Французской кухни лучший комплимент,

И крафтовый десерт от шефа,

Меж сыром выдержанным, с плесенью,

И ананасом, привезенным с юга.

XVII

Еще бокалов жажда просит

Залить горячий жир котлет,

Но звонок телефона им доносит,

Что стендап новый начался уже.

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Начинающих комикесс,
Почетный завсегда́тай кулис,
Арте́м Гордеев полетел на выступление,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов заплодировать панчлайн у смелому,
Засвистать шутку плоскую, несмешную,
Комикессу вызвать на бис (для того,
Чтоб только слышали его громкий голос).
XVIII
Волшебный мир! Там в прежние годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал юморист, друг свободы,

И подражатель ему молодой;

Там стендаперы собирали дань

Народных слез, рукоплесканий,

И делили славу с молодыми талантами;

Там кто-то новый воскресил

Забытый жанр остроумный;

Там вывел колкий автор

Своих скетчей шумный рой,

Там и режиссер прославился тоже,

Там, там под светом софитов

Младые дни мои промчались быстро.

XIX

XIX

Боги мои, где вы теперь? Куда ушли те времена?

Услышьте мой тоскливый голос, отзовитесь из дали!

Всё те же ли вы, или другие лица, новые надежды

Сменили вас, но заменили ли? Услышу ли я вновь

Звуки родной речи, смех и песни? Увижу ли полет

Русской Терпсихоры, полный грации и души?

Или мой взгляд усталый не найдет знакомых лиц

В этом казенном, скучном месте? И, устремив свой взор

На чуждый, незнакомый мир, разочарованный зритель,

Равнодушно буду я сидеть, безмолвно зевая,

И лишь о прошлом вспоминать, как о несбыточной мечте?

XX

Зал полон, ярусы сверкают огнями,

Партер и кресла – бурлят, как пчелиный улей.

На галерке нетерпеливо аплодируют,

И, взмывая, занавес шумит, предвещая чудо.

Блистательна, почти невесома,

Послушна волшебному взмаху дирижера,

В окружении нимф воздушных,

Стоит Истомина. Она,

Одной ногой касаясь сцены,

Другой – медленно кружит, словно в танце,

И вдруг – прыжок, и вот она летит,

Летит, как пушинка от дыхания ветра.

То стан изогнет, то разогнет,

И быстрой ножкой выбивает ритм.

XXI

Все хлопают. Артём Гордеев входит неспешно,

Пробираясь между кресел, задевая ноги.

Двойной бинокль, скосив глаза, наводит

На ложи незнакомых дам, оценивая наряды.

Все ярусы окидывает взглядом,

Всё видит: лица, причёски, одежду –

Ужасно недоволен он, всё не то.

С мужчинами со всех сторон

Раскланивается, потом на сцену

В большом рассеянье взглянул,

Отвернулся – и зевнул от скуки,

И пробормотал: «Пора бы всех сменить.

Балеты я давно перетерпел,

Но даже Дидло мне уже надоел».

XXII

Всё еще амуры, черти, змеи

На сцене прыгают и создают неразбериху.

Всё еще уставшие охранники

На лавках у входа дремлют.

Всё еще не перестали топтать,

Сморкаться, кашлять, шикать и хлопать.

Всё еще снаружи и внутри

Везде сияют огни и гирлянды.

Всё еще, продрогнув, нервничают машины,

Устав от ожидания своих хозяев.

И водители, вокруг бочек с огнем,

Ругают начальство и греют руки.

А Артём Гордеев уже вышел из театра,

Домой, переодеться, едет он.

XXIII

Опишу ли я в красках точных

Его уединенный кабинет,

Где мод примерный ученик

Одевается, раздевается и снова одевается?

Всё, чем для прихоти богатой

Торгует Лондон привередливый

И по Балтийскому морю

За лес и сало возит к нам,

Всё, что в Париже вкус голодный,

Полезное ремесло избрав,

Изобретает для забав,

Для роскоши, для модной неги, –

Всё украшало кабинет

Философа в восемнадцать лет.

XXIV

Янтарь на мундштуках стамбульских,

Фарфор и бронза на столе,

И негой чувств услада тихая,

Духи во флаконе из хрусталя;

Расчески, пилочки стальные,

И ножницы прямые, и кривые,

И щеток – видов тридцать есть,

Для ногтей, и зубы чтоб беречь.

Руссо, замечу между делом,

Не мог понять, как Грим, эстет,

Смел чистить ногти при людях всех,

Чудак болтливый, пустомеля.

Защитник правды и свобод,

В вопросе этом был не прав.

XXV

Быть можно дельным человеком,

И о маникюре думать тоже:

К чему с эпохой спорить вечно?

Привычка – деспот всех дороже.

Второй Чаадаев, мой Артём,

Боясь насмешек и сомнений,

В одежде был всегда опрятен,

Изыскан, как сказали б франты.

Он минимум часа три тратил,

Пред зеркалами колдовал,

И из уборной выплывал,

Как будто Афродита вышла,

Надев мундир, на карнавал.

XXVI

В последнем писке туалетом

Заняв ваш любопытный взгляд,

Я мог бы перед светом ученым

Здесь описать его наряд;

Конечно, это было б дерзко,

Описывать свое же дело:

Но брюки, фрак, жилет – слова,

Что не всегда найдешь в запасе.

И вижу я, винюсь пред вами,

Что и без них мой бедный слог

Пестреть гораздо меньше мог

Словами чуждыми и злыми,

Хоть и листал я в дни былые

Академический словарь.

XXVII

Но нынче тема не об этом:

Мы лучше поспешим на бал,

Куда стремглав в такси комфортном

Уж мой Артём Гордеев поскакал.

Пред окнами домов унылых,

Вдоль спящей улицы унылой,

Двойные фары бьют в глаза,

И отражают небеса,

И радуги на снег бросают;

Огнями елочными весь,

Блестит великолепный подъезд;

По окнам тени пробегают,

Мелькают профили голов,

И дам, и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к дому;

Охранника промчался мимо,

Взлетел по лестнице знакомой,

Поправил волосы небрежно,

Вошел. Народу – полон зал;

Музыка уж греметь устала;

Толпа в мазурке кружит снова;

Кругом и шум, и давка, право;

Бренчат наградные цацки,

Летают ножки милых дам;

По их пленительным следам

Летают взгляды, словно искры,

И скрипок громкий перезвон

Глушит ревнивый женский стон.

XXIX

XXIX

Во времена веселья и куража

Я обожал тусовки, движ, раут:

Где ещё признаться, как не там,

И передать записку, если надо.

Эй, уважаемые супруги,

Вам кое-что скажу по дружбе;

Прошу заметить мой совет:

Хочу предостеречь от бед.

И вы, мамыши, постройте

За дочками следите в оба:

Держите телефон наготове!

А то... а то, не дай-то Боже!

Я это говорю сейчас,

Что сам давно уже не в пляс.

XXX

Увы, на всякие приколы

Я много времени слил в унитаз!

Но если б не мораль, приколы,

Я б тусовки любил сейчас.

Люблю я юность безбашенную,

И давку, блеск, и жизнь отменную,

И дам продуманный прикид;

Люблю их ножки; только вмиг

Найдёшь ли ты в России нашей

Три пары стройных женских ног.

Ах! долго я забыть не мог

Две ножки... Грустный, словно в каше,

Я всё их помню, и во сне

Они тревожат сердце мне.

XXXI

Когда ж и где, в какой глуши,

Безумец, их забудешь ты?

Ах, ножки, ножки! Где сейчас вы?

Где топчете цветы весны?

Взращённые в тепле восточном,

На северном снегу полночном

Вы не оставили следов:

Любили мягкость вы ковров,

Прикосновение нежное.

Давно ль для вас я забывал

И жажду славы, и вокзал,

И край отцов, и заточенье?

Исчезло счастье юных лет,

Как в поле ваш пропавший след.

XXXII

Дианы грудь, румянец Флоры

Прекрасны, милые друзья!

Но ножка музы Терпсихоры

Прекрасней чем-то для меня.

Она, как будто обещает

Награду ту, что не оценят,
Манит красой своей простой
Желаний своевольный рой.
Люблю её, мой друг Эльвира,
Под длинной скатертью столов,
Весной на травке луговой,
Зимой у тёплого камина,
На паркете зеркальном зал,
У моря на скале базальт.
XXXIII
Я помню море перед бурей:
Как я завидовал волнам,
Бегущим дружною толпою
С любовью лечь к её ногам!

Как я хотел тогда с волнами

Коснуться милых ног губами!

Нет, никогда во дни лихие

Кипящей юности моей

Я не желал с таким страданием

Лобзать уста молодых Армид,

Иль щёки, где румянец скрыт,

Иль грудь, что полна ожиданием;

Нет, никогда порыв страстей

Так не терзал души моей!

XXXIV

Мне помнится другое время!

В мечтах заветных иногда

Держу я стремя, словно бремя...

И ножку чувствую тогда;

Опять кипит воображенье,

Опять её прикосновенье

Зажгло в уставшем сердце кровь,

Опять тоска, опять любовь!..

Но хватит прославлять надменных

Болтливой лирою своей;

Они не стоят ни страстей,

Ни песен, ими вдохновенных:

Слова и взгляд волшебниц сих

Обманчивы... как ножки их.

XXXV

Что ж мой Артём Гордеев? Полусонный

В кровать с тусовки едет он:

А Петербург неугомонный
Уже гудит, как старый дрон.
Встаёт купец, идёт торговец,
На рынок едет перевозчик,
С бутылью "Охты" кто-то мчит,
Под ней асфальт чуть-чуть хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты окна; дым столбом
Вверх устремляется гуськом,
И пекарь, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж открывал свой "васисдас".
XXXVI
Но, шумом клуба утомлённый,

И утро в полночь превратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснётся в полдень, и сначала
До ночи жизнь его помчала,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Артём,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных развлечений?
Напрасно ль был он среди пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

XXXVII

Нет, рано чувства в нём остыли.

Ему наскучил город, шум,

И девочки недолго были

Предметом мимолётных дум.

Предательства его достали,

И волонтёры надоели –

Ведь невозможно день и ночь

"Байрактар" с дронами жечь,

И сыпать острые словечки,

Когда мигрень и нет сил спать.

Он был когда-то боевать,

Но разлюбил он, наконец,

И танк, и миномёт, и дрон.

XXXVIII

Болезнь, которой суть и корень

Давно пора бы отыскать,

Как будто сплин английский, в общем,

Хандра российская, опять,

Им завладела постепенно.

Он застрелиться, к счастью, не стал,

Но к жизни охладел мгновенно.

Как будто "сталкер" унывал,

В кафешках появлялся он.

Ни сводки новостей, ни боты,

Ни милый взгляд, ни вздох кого-то,

Ничто не трогало его,

Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI

.....

.....

.....

XLII

Модницы столичного разлива!

Вас первым делом он забыл.

И правда, в наши времена

В светской тусовке скучно быть.

Пусть даже дама и способна

Про блокчейн с криптой говорить,

Но в целом их пустой трёп

Невыносимый, хоть и прост.

К тому ж они так непорочны,

Так величавы, так умны,

Так благочестия полны,

Так осмотрительны, так точны,

Так неприступны для мужчин,

Что вид их вызывает сплин.

XLIII

И вы, красотки молодые,

Чьи тачки ночью рассекают

По улицам Москвы пустые,

И вас Артём покидает.

Беглец от бурных развлечений,

Артём Гордеев дома заперся,

Зевая, за планшет взялся.

Хотел писать – но труд упорный

Ему был тошен. Ничего

Не вышло из-под пальцев. Он

Не стал блогером скандальным,

О коих я судить не смею,

Затем, что сам к ним не принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,

Томясь душевной пустотой,

Решил он – с похвальной целью –

Присвоить разум некий, свой.

Заполнил книгами все полки,

Читал, читал, а всё без толку:

Там скука, там обман и бред,

В том совести, в том смысла нет.

На всех различные наклейки,

И устарела старина,

И старым бредит новизна.

Как женщин, он оставил книги,

И полку с пыльной их семьёй

Задёрнул чёрной простынёй.

XLV

Условностей отбросив бремя,

Как он, устав от суеты,

Сошёлся я с ним в это время.

Мне нравились его черты,

К мечтам невольная склонность,

Особая такая гордость

И резкий, охлаждённый ум.

Я был озлоблен, он угрюм.

Страстей игру мы знали оба,

Томила жизнь обоих нас,

В обоих сердца жар угас,

Обоих ожидала злоба

Слепой Фортуны и людей

В начале самых лучших дней.

XLVI

Кто жил и думал, тот не может

В душе не презирать людей.

Кого коснулось, того гложет

Призрак невозвратных дней.

Тому уж нет очарований,

Того змея воспоминаний,

Того раскаянье грызёт.

Всё это часто придаёт

Особый шарм любой беседе.

Сперва Артёма Гордеева язык

Меня смущал, но я привык

К его язвительной манере,

И к шутке, с желчью пополам,

И злости мрачных телеграмм.

XLVII

XLVII

Как часто летом, в час ночной,

Когда над городом светло,

И купол церкви золотой

Сияет, словно волшебство,

Мы, позабыв про все заботы,

Про сводки с фронта и банкноты,

Стоим, вдыхая тишину,

Как будто вырвались из плена,

Из этой тягостной войны,

В мир юности, где нет измены,

Где только свет и только сны.

XLVIII

С тоской в душе, опёршись взглядом

На парапет, стоит один,

Задумчив, словно перед адом,

Наш современник, гражданин.

Всё тихо, только вдалеке

Посты ГАИ на блокпосте,

Да эхо дрона вдалеке,

Над спящим городом в тоске.

И вдруг мелодия простая,

Из телефона чьего-то льётся,

И в этой музыке ночной

На миг забвенье удаётся.

XLIX

В мечтах о мирных городах,

О тихих улочках Европы,

Где нет ни взрывов, ни атак,

Где жизнь течёт легко и просто,

Где можно просто помолчать,

С любимой девушкой гулять,

И говорить ей нежные слова,

И верить, что война – не навсегда.

L

Когда же кончится война?

Когда наступит час свободы?

Брожу по городу один,

И жду, когда развеют непогоды,

Когда же сможем мы опять

Свободно жить и созидать?

Пора покинуть этот край,

Где столько горя, столько ран,

И где надежды тают в дымке,

И улететь в далёкий мир,

Где нет войны, где нет разлук,

И где я смогу позабыть

Всё то, что здесь пережил.

LI

Артём Гордеев был готов со мной

Уехать в дальние края,

Но рок нас разлучил войной,

На годы, видно, навсегда.

Отец его как раз скончался.

И тут же к сыну набежался

Кредиторов алчный рой.

У каждого свой взгляд, настрой:

Артём, тяжбы презирая,

Судьбой довольный и простой,

Долги им отдал, не играя,

Потери в том не ощущая,

Иль предвкушая наперед

Кончину дяди, старый год.

ЛП

Вдруг получил он эсэмэс

От управляющего в ночь,

Что дядя в коме, вот те крест,

И с ним проститься был бы не прочь.

Прочтя печальное извещение,

Артём, без промедленья,

На "бла-бла-кар" вмиг заскочил,

И уж заранее грустил,

Готовясь, ради барыша,

К тоске, притворству и обману

(С чего и начал я роману);

Но, прилетев в село к одню,

Его нашел уж на столе,

Как дань, готовую земле.

ЛШ

Нашел он полон двор охраны;

К покойнику со всех сторон

Съезжались бывшие и кланы,

Любители похорон.

Покойника похоронили.

Попы и гости ели, пили,

И после важно разошлись,

Как будто делом занялись.

Вот наш Артём Гордеев – сельский житель,

Заводов, рек, лесов, полей

Хозяин полный, а досель

Порядка враг и потребитель,
И очень рад, что старый путь
Сменил хоть как-нибудь. Чуть-чуть.

LIV

Два дня ему казались внове
Поля вдали от городов,
Прохлада сумрачной дубравы,
Журчанье тихих ручейков;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни клубов, ни дворцов,

Ни игр, ни баров, ни стихов.

Тоска ждала его на страже,

И бегала за ним она,

Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни тихой,

Для деревенской тишины:

В глуши звучит мой голос лирный,

Живее творческие сны.

Досугам посвятяться невинным,

Брожу над озером пустынным,

И *far niente* – мой закон.

Я каждым утром пробужден

Для сладкой неги и свободы:

Читаю мало, долго сплю,

В "Тик-Ток" известность не ловлю.

Не так ли я в былые годы

Провел в бездействии, в тени

Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, село, безделье,

Поля! Я предан вам душой.

Всегда я рад заметить разность

Между Артёмом Гордеевым и мной,

Чтобы насмешливый читатель

Или какой-нибудь издатель

Заказной, злобной клеветы,

Сличая здесь мои черты,

Не повторял потом безбожно,
Что срисовал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать романы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты –
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые сюжеты
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал

И деvu гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?
LVIII
Чей взгляд, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу

Я безотрадно испытал.

Блажен, кто с нею сочетал

Горячку рифм: он тем удвоил

Поэзии священный бред,

Петрарке шествуя вослед,

А муки сердца успокоил,

Поймал и славу между тем;

Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Любовь прошла, и вот – свобода,

И ум прояснился мой.

Ищу союза, как природа,

Звуков волшебных, мыслей рой.

Пишу, и сердце не страдает,

Перо, как прежде, не витает
Вокруг стихов, что не готов,
Где нет ни ножек, ни голов.
Угасший пепел не воспрянет,
Грущу, но слёз уже не льёт,
И скоро бури след пройдёт,
В душе моей совсем затянет.
Тогда начну я создавать
Поэму – песен двадцать пять.
LX
Я думал о структуре чётко,
И как героя назову.
Пока что моего блокнота
Я завершил лишь главу.

Всё перечёл я очень строго,
Нашёл противоречий много,
Но исправлять их не хочу.

Я государству заплачу,
И журналистам на растерзанье
Творенье скромное отдам.

Лети же к новым берегам,
Моё рождённое создание,
И славу ты мне принеси:

Кривотолки, шум и споры!
Глава вторая
O rus!
Гораций
O Русь!
I
Посёлок, где скучал Артём,

Был тихий, милый уголок.

Там друг душевных наслаждений

Благословить бы землю мог.

Особняк скромный, у дороги,

Горой от ветра, от тревоги,

Стоял у речки. Вдалеке

Цвели поля, как в сказке,

Селения виднелись тут и там,

Коровы шли по берегам,

И тень дарил густой, ветвистый

Огромный, старый, дикий сад,

Приют для тех, кто видеть рад.

II

Добротный дом был возведён,

Как строят испокон веков:

Надёжен, крепок, умудрён

Вкусом спокойных стариков.

Везде высокие палаты,

В гостиной – обои цвета мяты,

На стенах – предков череда,

И печь из плитки – красота.

Всё обветшало, но осталось,

Не знаю, право, почему.

Да, впрочем, другу моему

До этого и дела малость,

Он равнодушно здесь скучал

Среди старинных этих зал.

Ш

Он поселился в тишине,

Где дед-крестьянин лет сорок

С хозяйкой пререкался в гневе,

В окно смотрел и мух давил.

Всё просто: пол из досок,

Два шкафа, стол, диван с обивкой,

Нигде чернил и пятен нет.

Артём Гордеев шкаф открыл в ответ.

В одном нашёл тетрадь расходов,

В другом – наливочный целый строй,

Кувшины с яблочной водой

И календарь минувших годов.

Старик, занятый всегда,

В другие книги не глядел.

IV

Один в своих владеньях новых,

Чтоб время как-то провести,

Решил Артём, что он вскоре

Порядок новый учредит.

В глуши своей, мудрец неожиданный,

Ярём барщины старинной,

Налог он лёгкий заменил,

И раб судьбу благословил.

Зато сосед его надулся,

Увидев в этом страшный вред,

Расчётливый такой сосед.

Другой лукаво усмехнулся,

И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.
V
Сначала все к нему ходили,
Но так как с заднего двора
Ему обычно подавали
Коня донского со двора,
Лишь только вдоль большой дороги
Услышат их авто тревоги,
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш – неуч, сумасбродит,
Он пьёт лишь красное вино,
Бокал за раз – вот это да!

Он дамам руку не целует,

Всё "да" да "нет", не скажет "да-с"

Иль "нет-с"». Таков был общий глас.

VI

В посёлок этот в ту же пору

Помещик новый прикатил

И столь же строгому разбору

В соседстве повод подарил.

Зовут Дмитрием Радовым,

С душою прямо европейской,

Красавец, в самом цвете лет,

Поклонник новых интернет.

Он из Германии далёкой

Привёз учености плоды:

Свободолюбивые мечты,

Дух пылкий и немного странный,

Всегда восторженную речь

И кудри чёрные до плеч.

VI

VI

Он ещё не успел очерстветь душой от столичной суеты,

Как вдруг его сердце отогрелось

Приветствием друга, вниманием девушек;

Он был наивен, но мил сердцу,

Его питала надежда,

И новый блеск и грохот мира

Всё ещё пленяли его юный ум.

Он тешил себя сладкими мечтами,

Пытаясь унять сомнения в сердце;

Цель жизни казалась ему

Заманчивой, сложной загадкой,

Над которой он ломал голову,

Предчувствуя нечто чудесное.

VIII

Он верил, что где-то есть родственная душа,

Которая должна с ним соединиться,

Что, тоскуя в одиночестве,

Она каждый день ждёт его;

Он верил, что друзья готовы

За его честь пойти на всё,

И что их рука не дрогнет,

Чтобы разоблачить клеветника;

Что есть избранные судьбой,

Священные друзья людей;

Что их бессмертное братство

Неотразимым светом

Когда-нибудь озарит нас

И мир наполнит счастьем.

IX

Возмущение, сочувствие,

Чистая любовь к добру

И сладкая мука славы

Рано в нём вскипятили кровь.

Он с гитарой странствовал по миру;

Под небом Шиллера и Гёте,

Их поэтическим огнём

Душа его воспламенилась;

И искусства возвышенных муз,

Счастливчик, он не посрамил:

Он в песнях гордо сохранил

Всегда возвышенные чувства,

Порывы чистой мечты

И прелесть важной простоты.

X

Он пел любовь, любви послушный,

И песнь его была ясна,

Как мысли наивной девушки,

Как сон ребёнка, как луна

В безмятежных просторах неба,

Богиня тайн и нежных вздохов;

Он пел разлуку и печаль,

И нечто, и туманную даль,

И романтические розы;

Он пел те далёкие края,

Где долго в тишине

Лились его живые слёзы;

Он пел увядший цвет жизни

В свои неполные восемнадцать лет.

XI

В глуши, где один Артём

Мог оценить его талант,

Праздники местных жителей

Ему были не по душе;

Он избегал их шумных бесед,

Их рассудительных разговоров

О посевной, о дизеле,

О дронах, о своих родственниках,

Которые, конечно, не блистали ни чувством,

Ни поэтическим огнём,

Ни остроумием, ни умом,

Ни умением общаться;

Но разговоры их милых жён

Были ещё менее умны.

XII

Богатый, красивый собой, Радов

Везде был желанным женихом;

Таков обычай деревенский;

Все прочили за него своих дочек,

За полурусского соседа;

Как только он появлялся, разговор

Заводили издалека

О скуке жизни холостой;

Зовут соседа к самовару,

А Дуня разливает чай,

Ей шепчут: «Дуня, примечай!»

Потом приносят и гитару;

И запищит она (Боже мой!):

"Ой у гаю при Дунаю..."

XIII

Но Радов, не имея, конечно,

Желания связывать себя брачными узами,

С Артёмом Гордеевым хотел сердечно

Сократить знакомство.

Они сошлись. Волна и камень,

Стихи и проза, лёд и пламень

Не столь различны меж собой.

Сперва от взаимной несхожести

Они друг другу были скучны;

Потом понравились; потом

Стали встречаться каждый день верхом

И вскоре стали неразлучны.

Так люди (первый каюсь я)

От нечего делать становятся друзьями.

XIV

Но и дружбы такой меж нами нет.

Все предрассудки истребив,

Мы считаем всех нулями,

А единицами – себя.

Мы все мним себя Наполеонами;

Двуногих тварей миллионы

Для нас лишь инструмент,

Нам чувство кажется диким и смешным.

Артём был сноснее многих;

Хоть он людей, конечно, знал

И в целом их презирал, —

Но (правил нет без исключений)

Некоторых он выделял

И втайне уважал чувства.

XV

Он слушал Радова с улыбкой.

Поэта пылкие речи,

И ум, ещё не окрепший в суждениях,

И вечно вдохновенный взгляд, —

Всё это было ново для Артёма Гордеева;

Он старался сдержать

Охлаждающие слова

И думал: глупо мне мешать

Его минутному блаженству;

И без меня придёт время,

Пусть пока он живёт

И верит в совершенство мира;

Простим горячке юных лет,

И юный жар, и юный бред.

XVI

Между ними вечно шли споры,

Будили мысль и интерес:

Про старые еще договоры,

Про пользу знаний, где прогресс,

Про предрассудки, что засели,

Про тайны братской той могилы,

Про жизнь и смерть, про все подряд –

Всегда у них был свой расклад.

Поэт, в запале увлеченный,

Читал стихи, забыв про сон,

Про север, про Азов, Херсон,

А критик, хоть и утомленный,

Не все, быть может, понимал,

Но юношу не прерывал.

XVII

Но чаще темы были ближе,

Про страсти, что сердца томят.

Артём Гордеев, будто бы все выше

Поднялся, говорил, скорбя,

Что рад, что бури миновали,

Что страсти больше не терзают,

Что лучше тот, кто не пылал,

Кто в ссорах просто отмолчал,

Кто охлаждал любовь разлукой,

А злобу – сплетней за спиной,

Кто счастлив с тихою женой,

Не мучась ревностью, тоскою,

И дедов вклад не проиграл,

В крипте какой-нибудь биржи.

XVIII

Когда же мы найдем приют

В тиши разумной, долгожданной,

Когда страстей огни заснут

И станут глупыми, смешными

Порывы, буйства, крики вслед, –

Тогда, смирившись, будем рады

Чужие драмы услышать,

Чтоб сердце вдруг затрепетало.

Как старый дед, что на войне

Оглох, но слушает рассказы

Про молодых бойцов спецназа,

Забытый всеми в тишине.

XIX

А юность пламенная тайнам

Хранить не может, не должна.

Любовь, печаль, восторг случайный –

Все выболтает до конца.

Артём Гордеев, в чувствах будто старый,

С видом внимательным и важным

Слушал, как юноша горит,

Как душу нараспашку льет,

Как совесть чистую являет.

Артём сразу разгадал

Любви наивный идеал,

Рассказ, что чувствами блистает,

Но нам давно уже знаком,

Как будто старый сериал.

XX

Ах, он любил, как в наше время

Уже не любят, как один

Поэт, безумец, верит слепо

В любовь, как в сказочный свой мир:

Всегда, везде одно виденье,

Одно привычное стремленье,

Одна привычная тоска.

Ни расстоянья, ни тоска,

Ни годы долгой той разлуки,

Ни музыки, что ему даны,

Ни чуждые ему края,

Ни шум веселья, ни науки

Не изменили сердца пыл,

Что девственным огнем горит.

XXI

Еще мальчишкой, Кирой нежной

Завороженный, он не знал

Любви той муки неизбежной,

Когда он с ней еще играл.

В тени лесов, где все знакомо,

Он разделял ее забавы,

Им предрекали все вокруг

Счастливый брак, семейный круг.

В глуши лесной, в тени прохладной,

Невинной прелести полна,

В глазах родителей она

Цвела, как ландыш скромный, тайный,

Что в травах прячется густых,

Не тронут бабочкой и пчелкой.

XXII

Она поэту подарила

Восторгов юных первый вздох,

И мысль о ней преобразила

Его цевницы первый стон.

Простите, игры золотые!

Он рощи полюбил густые,

Уединенье, тишину,

И ночь, и звезды, и луну,

Луну, небесную ту лампадку,

Которой посвящали мы

Прогулки в сумраке ночном,

И слезы, тайных мук отраду...

Но нынче видим только в ней

Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,

Всегда, как утро, весела,

Как жизнь поэта, простодушна,

Как поцелуй любви мила,

Глаза, как небо, голубые,

Улыбка, локоны льняные,

Движенья, голос, легкий стан –

Все в Кире... Но любой роман

Возьмите – и найдете точно

Ее портрет. Он очень мил,

Я прежде сам его любил,

Но надоел он мне нарочно.

Позвольте мне, читатель мой,

Заняться старшею сестрой.

XXIV

XXIV

Ее сестру звали Кирой...

Впервые имя это в прозе

Мы скромно вставим, без угроз.

И что ж? Звучит оно неплохо;

Но с ним, я знаю, есть эпоха,

Воспоминания о былом,

О девичьем, о молодом!

Признаться, вкуса очень мало

У нас в выборе имен сейчас,

(Про имена в стихах – молчу я враз).

Нам европейскость не пристала,

И от нее досталось нам

Лишь кривлянье, срам и скан.

XXV

Итак, ее звали Алиной.

Ни красотой сестры своей,

Ни свежестью ее румяной,

Не привлекла бы взглядов фей.

Дика, задумчива, молчалива,

Как тень в лесу, всегда боязлива,

Она в семье своей родной

Казалась девочкой чужой.

Она ласкаться не умела

К отцу, ни к матери своей;

Ребенок, в стае всех детей

Играть и прыгать не хотела,

И часто целый день одна

Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга

От самых первых детских дней,

Течение жизни, как округа,

Мечтами наполняла ей.

Ее изнеженные пальцы

Не знали спиц; склонясь на пальцы,

Узором модным никогда
Не оживляла полотна.
Охоты к власти нет и следа,
С послушной куклой, как дитя,
Готовится, будто шутя,
К приличиям, законам света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.
XXVII
Но куклы даже в эти годы
Алина в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с ней никто не вел.
И детские забавы, проказы

Ей чужды были; страшные рассказы

Зимою в темноте ночей

Пленяли больше сердце ей.

Когда же няня собирала

Для Киры на большой луг

Всех маленьких ее подруг,

Она в салки не играла,

Ей скучен был и звонкий смех,

И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе

Встречать зари восход в тиши,

Когда на бледном горизонте

Звезд исчезают миражи,

И тихо край земли светлеет,

И, вестник утра, ветер веет,

И поднимается рассвет.

Зимой, когда ночной привет

Полмиром долго обладает,

И долго в тишине пустой,

При отуманенной луной,

Восток ленивый отдыхает,

В привычный час, чуть свет забрезжит,

Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;

Они ей заменяли все;

Она влюблялася в обманы,

В мечты, что мир ей преподнес.

Отец ее был добрый малый,

В прошлом веке чуть отставший;

Но в книгах не видал вреда;

Он, не читая никогда,

Их почитал пустой забавой

И не заботился о том,

Какой у дочки тайный том

Лежал до утра под подушкой.

Жена ж его была сама

От сериалов без ума.

XXX

Она любила сериалы

Не потому, что их смотрела,

Не потому, что в них искала

Себя, как будто в зеркале.

Но в старину подруга Света,

Ее московская соседка,

Твердила часто ей о них.

В то время был еще жених

Ее супруг, но по расчету;

Она вздыхала о другом,

Который сердцем и умом

Ей нравился гораздо больше:

Тот был блогер, славный фронт,

И в тик-токе дикий талант.

XXXI

Как он, она была одета

Всегда по моде и к лицу;
Но, не спросясь ее совета,
Девчонку повезли к венцу.
И, чтоб ее развеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рыдала, плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастью – вот она.

XXXII

Привычка смягчила боль,

Казалось, ничем не утолимую;

Но вскоре новое увлеченье

Ее утешило совсем:

В заботах дома и досуге

Она открыла, как супругом

Самодержавно управлять,

И всё тогда пошло как надо.

Она ездила по стройкам,

Мариновала на зиму овощи,

Вела бюджет, стригла мужу виски,

Ходила в баню по субботам,

Отчитывала горничных в сердцах —

Всё это мужа не спросив.

XXXIII

Бывало, писала кровью

В альбомы юных волонтерок,

Звала Полиной Прасковью

И говорила нараспев,

Носила корсет очень тесный,

И русское "г", как "h" украинское,

Произносить старалась мягко;

Но скоро всё переменялось;

Корсет, альбом, подругу Алину,

Стихов сентиментальных тетрадь

Она забыла; стала звать

Акулькой прежнюю Селину

И обновила наконец

На вате халат и платок.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,

В ее дела не вмешивался,

Во всём ей верил безмятежно,

А сам в халате ел и пил;

Спокойно жизнь его текла;

Под вечер иногда собиралась

Соседей добрая семья,

Простые, близкие друзья,

И посетовать, и посудачить,

И посмеяться кое над чем.

Проходит время; между тем

Прикажут Кире чай готовить,

Там ужин, там и спать пора,

И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной

Привычки милой старины;

У них на Масленицу щедрую

Пеклись румяные блины;

Два раза в год они постились;

Любили карусели,

Песни застольные, хоровод;

На Троицу, когда народ

Зевая слушает молебен,

Умильно на луч зари

Они роняли слезы три;

Им квас как воздух был потребен,

И за столом у них гостям

Носили блюда по порядку.

XXXVI

И так они старели вместе.

И отворились наконец

Перед супругом двери смерти,

И новый он принял венец.

Он умер в час перед обедом,

Оплаканный своим соседом,

Детьми и верною женой

Искренней, чем кто-нибудь другой.

Он был простой и добрый человек,

И там, где прах его лежит,

Надгробный памятник гласит:

"Смиренный грешник, Дмитрий Ветров,

Господень раб и полковник,

Под камнем сим вкушает мир."

XXXVII

В родной поселок возвращенный,

Дмитрий Радов посетил

Соседа памятник простой,

И вздох он пеплу посвятил;

И долго сердцу грустно было.

"Бедный Йорик!" – молвил он уныло, –

Он на руках меня носил.

Как часто в детстве я играл

Его медалью за Крым!

Он Киру прочил за меня,

Он говорил: дождусь ли дня?..»

И, полный искренней печали,

Владимир тут же начертал

Ему надгробный стих.

XXXVIII

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.